

С. С. ПАШИН

Тюменский университет

ДВА КРУПНЕЙШИХ ПЕРЕМЫШЛЬСКИХ РОДА XV ВЕКА

Самый западный — Переворесский (Пшеворский) — повет Перемышльской земли в начале XVI в. занимал правобережье нижнего Вислока, междуречье Вислока и Сана, а также расположенное по обоим берегам Сана (ниже впадения в него Вислока) Лежайское староство. Ныне эта территория составляет добрую половину Жешувского и часть Пшемысльского воеводств Польши. Находившийся на реке Млечка (недалеко от впадения ее в Вислок) Перевореск до захвата Червоной Руси Польшей упоминается лишь однажды: Галицко-Волынская летопись в 1281 г. сообщает, что краковский князь Лешко «иде... на Лва, и взя у него городъ Переворескъ, исече и люди в нем вси от мала и до велика, и город зажьже, и поиде назадъ во свояси». После такого погрома обезлюдевший Перевореск (ныне Пшеворск) превратился в заурядное село и вернул себе статус города только в конце XIV в. Второй существовавший в древнерусские времена город — Ярослав(ль) — упоминается в 1152 и 1248 гг. опять-таки в связи с войнами галицких князей¹. Что касается всей территории будущего повета, то в XIII-первой половине XIV в. она нам видится редконаселенным галицко-польским пограничьем. Нет ничего удивительного в том, что лишь несколько переворесских семейств XV в. (Сенновские-Кшечовские, Дершняки, Бажи, Прохницкие-Розбожские и Боратынские) были родами русского происхождения, причем все они вели свое начало от трех живших в середине XIV в. местных бояр. Во второй половине XIV столетия более половины территории повета было пожаловано двум малопольским можновладцам, которые стали родоначальниками крупнейших перемышльских (и червонорусских) шляхетских родов. Речь идет о Пилецких и Тарновских-Ярославских.

Пилецкие

Русский староста в 1352-1369 гг. Ота (Оттон) Пилецкий был пожалован королем Казимиром Великим Ланьцутской и Тычинской волостями. Тычин еще в 1404 г. «прислушает в земли Саноцкой». Единственная дочь и наследница пана Оты Елизавета (ум. в 1420 г.) ранее 1398 г. вышла за Винцентия Грановского — впоследствии наклонского каштеляна и участника Грюнвальдской битвы (ум. в 1410 г.). Их сын Ян после того, как Елизавета стала женой короля Владислава-Ягайло, с согласия венценосного отчима сохранил за собой все материнские владения и фамильное прозвание Пилецкий².

Сергей Станиславович Пашин, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории ТюмГУ, специалист по истории позднесредневековой Польши, автор монографий, учебных пособий по польской и западно-славянской генеалогии и дипломатике.

¹ Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 2. Стб. 447, 800, 882.

² Южнорусские грамоты / Собр В. Розовым. Киев, 1917. Т. 1 (далее — ЮГ). № 38. С. 69-70; Kodex dyplomatyczny malopolski (далее — KDM). W Krakowie, 1905. Т. 4. № 1084. S. 93-94; Gaweda S. Moznowladztwo malopolskie w XIV i w pierwszej polowie XV wieku. Studium z dziejow rozwoju wielkiej власности ziemskiej. Krakow, 1966. S. 48-49; Maleczynski K. Urzednicy grodzcy i ziemscy lwowscy w latach 1352-1783. We Lwowie, 1938. S. 24.

Первое упоминание Яна Пилецкого в перемышльских источниках датируется 7 мая 1436 г., когда он записал 1000 гривен вена жене Ядвиге на городе Ланьцут и селе Маркова. Большинство же записок 30-40-х годов связано с его финансовыми обязательствами. Заимодавцами Яна Пилецкого выступают как перемышльские шляхтичи, так и богатые краковские мещане. Одному из последних Ян в 1443 г. заложил за 1000 гривен Халвигову и Крачкову, гарантировав получение с этих двух ланьцутских сел 100 гривен годового дохода. Следует помнить, что обладатели 60-гривенного дохода имели все основания считаться крупными перемышльскими землевладельцами. Халвигова и Крачкова составляли лишь малую часть владений Яна Пилецкого. По условиям раздела 1450 г. с племянником, князем Вацлавом Опольским, Ян уступил сыну своей покойной сестры Елизаветы краковские местечки Пилица и Мжиглод с 14 селами и доплатил 2000 гривен наличными. Сам же он становится владельцем Ланьцута и Каньчуги с предместьями, 20 «тянувших» к ним сел, города Тычин с 15 селами, а также сел Сосница, Святе и Душовцы недалеко от принадлежавшего перемышльским католическим епископам города Радымно³.

Будучи крупнейшим перемышльским землевладельцем и сохранив тесные связи с Малой Польшей, Ян Пилецкий играл заметную роль в событиях времен несовершеннолетия короля Владислава III Варненчика. Достаточно сказать, что в тексте постановления червонорусской шляхты от 11 октября 1438 г. о передаче управления Русским воеводством воеводе Петру Одровонжу и перемышльскому подкоморию Сенько Сенновскому имя Пилецкого стоит третьим, после львовского архиепископа Яна и генерального русского старосты Винцентия с Шамотул, а в списке собравшихся в Корчине весной 1439 г. 168 шляхтичей из Краковской, Сандомирской, Люблинской и Русской «земель» (участников знаменитой конфедерации Спытка с Мельштына) Ян Пилецкий оказался десятым⁴. В 50-60-е годы он редко появлялся на заседаниях переворесских и особенно перемышльских судов, что, по-видимому, связано с занятием им уряда краковского воеводы и возвращением пилецкого ключа. Согласно далеко не полным известиям судебных книг, единственное приобретение последних десятилетий жизни Пилецкого — это покупка за 100 гривен у Яна Ярославского «служб» двух слуг из села (Малая) Лопушка под Каньчугой (1462 г.)⁵.

Ян Пилецкий имел троих сыновей, которые в январе 1478 г. разделили отцовские владения. Старшему сыну, люблинскому подкоморию Станиславу, достались Ланьцут с предместьями и 12 близлежащими селами. Ко второму, бечскому каштеляну Яну, отошли Пилица и Мжиглод с прилегающими селами, Тычин с 16 селами и «служебное» («omagialis») село Луториж под Жешувом. Младший Пилецкий, Ота, становится владельцем более 20 населенных пунктов. Среди них — Каньчуга с 14 селами, в т. ч. 4 поселениями, «в службах или в вассалитете находящимися и с вассалами тех сел», упомянутые выше Сосница, Святе (Свенте) и Душовцы, заложенные королевские имения Замех, Пше (Песье-?), Бабича и Лукова в Лежайской волости и, наконец, крепость Белжице с предместьями и окрестными селами в Люблинской земле. Не надо обладать большой проницательностью, чтобы обнаружить, что за четверть века структура владений Пилецких не претерпела существенных изменений. Анклав из четырех сел Лежайской волости счи-

³ Akta grodzkie i ziemskie (далее — AGZ). We Lwowie, 1888. T. 13. № 41, 2127, 4276. S. 7, 151, 314-315.

⁴ Codex epistolaris saeculi XV. Cracoviae, 1891. T. 2. № 250, 255. S. P. 369-370, 389-390.

⁵ AGZ. T. 13. № 4897. S. 381.

тался малоценным держанием, а 7 новых сел в границах дедичных волостей были либо разросшимися предместьями (Германова и Келнарова под Тычином), либо местами обитания военных слуг-«манов». Один из подобных слуг, шляхтич Андрей Нежацкий, в 1486 г. давал в долг своему сеньору Оте 250 гривен под залог Великой и Малой Лопушек⁶.

В феврале 1487 г. Станислав и Ота Пилецкие обменяли свои владения, причем Станислав сразу же передал Каньчугу, Сосницу, Белжице и Замех «со всеми селами» в аренду младшему брату. Годовая арендная плата была установлена в размере 300 гривен. В декабре 1492 г. Станислав вернул под свое управление Каньчугскую волость и снизил арендные платежи до 140 гривен. В текстах обоих договоров бросается в глаза заинтересованность старшего Пилецкого в занимаемом «манами» селе Нежатицы, которое, будучи куплей Оты, уступалось Станиславу только в пожизненное держание, по сути, арендовалось им у младшего брата, получавшего компенсацию в виде явно заниженной арендной платы. Станислав Пилецкий умер бездетным вскоре после описанных событий. В марте 1493 г. братья поделили между собой его владения. Ставшему не позднее июня 1485 г. русским воеводой Яну досталась Каньчуга с 13 селами. Прочие земли, равно как и уряд люблинского подкомория, унаследовал Ота⁷.

Ян Пилецкий с декабря 1494 г. держал 6 жешувских сел, заложенных за 3360 злотых Андреем Жешувским с Прибишовки. Сыновья Яна распоряжались этими селами еще во втором десятилетии XVI в. Зато купленная в мае 1496 г. у брата перемышльских православных владык Якова Бирецкого половина села Белобоки оставалась в руках Пилецких всего 2 года. В апреле 1498 г. старший сын воеводы Миколай сделал поистине царский подарок, пожаловав куплю «навечно» своему ману («servitori suo fideli»), шляхтичу Петру Прушиновскому, «pro ipsius servicio». Осенью 1496 г., в момент, когда Ян сдавал свои полномочия русского воеводы ради более почетного уряда сандомирского воеводы, он умирает. 13 декабря 1496 г. Ота, как старший в роде, давал поручительство (вместе с племянником Миколаем), что сын покойного воеводы Станислав Пилецкий сделает венную запись в 4300 злотых своей жене Анне — дочери покойного сандомирского каштеляна и коронного маршалка Рафаила Ярославского⁸.

Трое сыновей Яна Пилецкого еще в феврале 1499 г. являлись нераздельными дедичами, однако в начале XVI в. пришли к соглашению о разделе дедичных имений и держаний. Согласно реестру 1508 г., старший из братьев, перемышльский каштелян Миколай, заплатил с Каньчугской волости 50 гривен налогов. Заметно больше (62 гривны 18 грошей) вносит в королевскую казну владелец Тычина и «тянувших» к нему сел Станислав Пилецкий. Младшему брату Яну на территории Перемышльской земли достались только 6 жешувских сел, заложенных в 1494 г. Андреем Жешувским (13 гривен 18 грошей налогов)⁹.

Скончавшийся в 1504-1508 гг. люблинский подкоморий Ота также имел троих сыновей. Из налогового реестра 1508 г. следует, что добрую половину владений Оты, а именно Ланьцут с предместьем и села Маркова, Санина, Глухов и Святославова воля, держала его вдова Анна — дочь великопольского можновладца Петра с Шамотул. Ота записал своей супруге 2000 гривен вена сначала на половине (1488 г.), а впоследствии на всей указанной выше

⁶ Ibid. We Lwowie, 1906. T. 19. N 172, 292. S. 32-33, 57.

⁷ Ibid. N 322-323, 490-491, 506. S. 62, 95, 98; Maleczynski K. Op. cit. S. 83.

⁸ AGZ. T. 19. N 428-429, 578, 607. S. 102-103, 112, 116.

⁹ Ibid. N 617. S. 117-118; Zrodla dziejowe (далее — ZD). Warszawa, 1902. T. 18. Cz. 1. S. 106.

недвижимости (1499 г.). Говоря о размерах держания «панна Отиной», мы имеем в виду не количество населенных пунктов, а их стоимость и доходность: Анна заплатила 63 гривны 1 грош налогов — больше, чем трое «Отовичей», вместе взятые. Владелец Креницы, Хандзловки, Маловой (под Ланьцутом) и держатель четырех лежайских сел Андрей Отович раскошелся на 16 гривен 6 грошей. Станислав Отович заплатил 27,5 гривен с Сосницы, Святе и Душовец (близ Радымно). Меньше всех потратился старший из братьев, Миколай (9 гривен с части ланьцутских сел), однако у него была недвижимость на Львовщине, которая, естественно, не учитывалась в реестре Перемышльской земли¹⁰.

Заплатившие 240 гривен налогов Пилецкие в начале XVI в. были крупнейшими перемышльскими налогоплательщиками и землевладельцами. Львиная доля платежей (примерно 200 гривен) приходилась на Ланьцут, Тычин и Каньчугу — волости, пожалованные Яну Пилецкому еще Казимиром Великим. Может возникнуть вопрос: почему Пилецкие, владея четырьмя десятками сел, заплатили налогов на порядок больше, чем потомки Ходька Быбельского или распорядившиеся 30 селами Гербурты? Ответ находим в данных налогового реестра 1515 г. Среднестатистическое перемышльское село XV-начала XVI в. имело 3-5-10 ланов земли. Около трети принадлежавших Пилецким поселений вполне укладывалось в эти параметры. Однако размеры 12 сел превышали 10, а 7 сел — 20 ланов. Были и гиганты площадью 39, 46 (два села) и 52 лана. Впрочем, даже им далеко до подлинного «рекордсмена» — ланьцутской Марковы с двумя корчмами, двумя мельницами и 98 ланами земли¹¹, своеобразного «агрокорода» червонорусского средневековья.

Тарновские-Ярославские

В ноябре 1387 г. почти вся Ярославская волость, точнее, замок и город Ярослав, 16 сел (в т. ч. Перевореск) и «монастырь русский с одним слугой около монастыря», были пожалованы Владиславом-Ягайло сандомирскому воеводе и русскому старосте Яну Тарновскому (умер в 1409 г.) при условии несения службы пятью копьями и пятью лучниками¹². Сыновья воеводы до самой смерти в 1437 г. считались нераздельными дедичами, однако фактически между ними уже в 1409 г. произошел раздел имущества. Старшему брату Яну достались малопольские владения, а младшему — Ярославская волость. Ян Длугош в перечне 50 польских хоругвей, участвовавших в Грюнвальдской битве, даже называет последнего «Спытко с Ярослава», хотя в червонорусских актах 1414-1430 гг. Спытко обычно зовется Тарновским. В 1433 г. Ягайло записал ему 200 гривен на лежайском замке¹³.

Осенью 1437 г. на семейном съезде в Кракове кузены, дети умерших братьев, договорились об окончательном разделе владений Тарновских. Сыновья Яна получили город Тарнов и многочисленные местечки и села в Малой Польше, а к сыновьям Спытка — Рафаилу, Яну и Спытко — отошли перемышльские владения с Ярославом, Перевореском и Лежайском, а также малопольские местечки Зглобен и Белжице с близлежащими селами. К лету 1438 г. Рафаил, Ян и Спытко Ярославские успели разделить не только недвижимое имущество, но и долги своего отца. Покойный пан Спытко умудрился задолжать 1500 гривен десяткам людей — шляхтичам, мещанам, пред-

¹⁰ AGZ. We Lwowie, 1903. T. 18. № 3362. S. 472; T. 19. № 355, 638. S. 68, 122; ZD. T. 18. Cz. 1. S. 106-107.

¹¹ ZD. T. 18. Cz. 1. S. 136-138.

¹² KDM. T. 4. № 991, 1022. S. 18-20, 41-42.

¹³ ЮГ. № 46. С. 85; AGZ. We Lwowie, 1872. T. 3. № 92. S. 115; We Lwowie, 1873. T. 4. № 37-38, 42, 60, 65, 71. S. 92-93, 96, 115, 121, 131; We Lwoiwe, 1875. T. 5. № 49. S. 64; We Lwowie, 1878. T. 7. № 33, 39. S. 65, 76; KDM. T. 4. № 1299. S. 281.

ставителям духовенства. Братьям пришлось брать новые займы и затем в течение нескольких лет расплачиваться по ним. В 1440 г., используя финансовые затруднения Ярославских, освобождается от манства с упомянутого в ягайловом привилее 1387 г. села Роздвеница Ян Голуховский. Позднее его примеру последуют и другие вассалы-маны¹⁴.

Войницкий каштелян Рафаил скончался в 1441 или 1442 г., оставив не достигших совершеннолетия сыновей Яна, Спытка и Рафаила-Якова и дочь Беату — впоследствии жену саноцкого каштеляна Юрия Гумницкого (1465 г.). Примерно в это же время умер бездетным брат Рафаила Ян. В мае 1442 г. Спытко заплатил 100 гривен долга «за Яна с Ярослава, доброй памяти брата своего родного». Самому Спытко посчастливилось вернуться живым из закончившегося катастрофой похода Владислава III Варненчика против турок¹⁵.

В 1447-1450 гг. Спытко вынужден был судиться с племянником Яном (сыном Рафаила), обвинявшим дядю сразу по пяти пунктам. Во-первых, Спытко, являясь в течение 3,5 лет опекуном малолетних племянников, присвоил себе 1400 гривен, полученных с принадлежавших им Перевореска и относящихся к нему сел. Иначе говоря, Перевореская волость приносила их владельцам 400 гривен годового дохода. Во-вторых, Спытко уступил за 700 гривен воеводе Петру Одровонжу королевские имения на Львовщине, заложенные покойному брату Рафаилу, и «забыл» вернуть деньги племянникам. В-третьих, он получил от того же Петра Одровонжа 2200 злотых, причитающихся покойному брату Яну, и не собирался передавать половину полученных денег племянникам, хотя они имели такие же права на имущество бездетного дяди. В-четвертых, Спытко присвоил принадлежавшие Рафаилу изделия из серебра, панцыри, шлемы и другое военное снаряжение на общую сумму 200 гривен. Наконец, после смерти брата Яна Спытко завладел всей Ярославской волостью, состоявшей из замка и города на магдебургском праве Ярослава и 22 окрестных сел (из них только 10 фигурировали в грамоте 1387 г.). Истец претендовал на половину имений дяди-тезки, оценив их в 14000 гривен. По его подсчетам, с момента смерти Яна до августа 1447 г. (в течение примерно 5 лет) с половины Ярославской волости Спытко незаконно собрал в виде чиншей, торговых пошлин и иных доходов 2000 гривен¹⁶. Смерть бездетного Спытка положила конец затянувшейся тяжбе. Трое сыновей Рафаила утвердились как в Перевореске, так и Ярославе, а нам представился случай выяснить, что земли, пожалованные в 1387 г. Яну Тарновскому, 50-60 лет спустя приносили их владельцам 1200 гривен годового дохода и оценивались в огромную сумму порядка 42000 гривен.

В начале 1450-х годов Ян ввязался в очередную судебную тяжбу, на этот раз с держательницей лежайского ключа теткой Ядвигой и владевшей Павловым селом (под Ярославом) бабкой Сандохной. Засидевшаяся в невестах «девица» Ядвига, в принципе, соглашалась уступить племянникам Лежайск с 6 селами, однако требовала уплаты 1000 гривен. Братья вынуждены были принять предложенные условия, правда, впоследствии явно не торопились с выполнением взятых на себя обязательств: еще в 1462 г. Ядвига и ее муж Рампш с Великого Цешацина ожидали выплаты им 480 гривен¹⁷.

По итогам последнего семейного раздела от 22 февраля 1458 г. Ян уступил двум братьям половину Перевореска с предместьем и 4 селами, остав-

¹⁴ AS. T. 2. № 132. S. 198; AGZ. T. 13. № 967, 1414, 5378. S. 71, 99, 434.

¹⁵ AGZ. T. 13. № 1430, 1736, 2078, 5642, 7386. S. 100, 121, 148, 457, 605. Ср.: Gaweda S. Op. cit. S. 65.

¹⁶ Ibid. № 3857, 3859, 4228. S. 279-280, 309-310.

¹⁷ Ibid. № 4365, 4928, 4932. S. 325, 384.

шись владельцем зглобенского ключа в Сандомирской земле и держателем Лежайского староства. Принадлежавшее ему село Остров (под Радымно) днем ранее было продано за 1000 гривен Стефану Свентопелку с Болестрашиц и Станиславу Славскому. В 1461 г. Спытко и Рафаил с разрешения Казимира Ягеллончика выкупили у брата Лежайское староство, точнее, крепость Лежайск с 6 селами. Источники не сообщают, во сколько обошлась им эта покупка. При проведении в 1469 г. люстрации заложенных королевских имений «паны с Ярослава» предъявили 12 грамот Ягайла, Владислава III и Казимира, согласно которым на Лежайске было записано более 1000 гривен и 1000 злотых. Самым щедрым королем оказался, конечно же, Варненчик. Продав в 1464 г. брату Спытко службу-манство Мжуровских (Миколая Горностая с Кидаловичей и Яна и Миклаша с Венчковичей), Ян лишился последних владений в Перемышльской земле¹⁸.

Младшие Ярославские распорядились отцовским имуществом таким образом, что Спытко унаследовал Ярославскую, а Рафаил(-Яков) — Перево-ресскую и Лежайскую волости. Братья жили, можно сказать, душа в душу. Свидетельством этого служит тот факт, что Рафаил, отправляясь в январе 1474 г. на войну с венграми, поручил опеку над дочерью и своими владениями пану Спытко, одновременно отстранив от опекунства старшего брата Яна Зглобенского. Спытко, по-видимому, испытывая материальные затруднения, вынужден был поступиться некоторыми владениями на Ярославщине. В 1462 г. он продал за 800 гривен Яну и Павлу Лысаковским села Пелкино и Кругел. В январе 1465 г. перемышльский хорунжий Ян Долинский приобрел у него за 1100 гривен село Новосельцы. В январе 1474 г. Спытко пришлось заложить за 2000 гривен Ярослав брату Рафаилу и Яну Лысаковскому. К концу 70-х годов дела пошли гораздо лучше: Спытко даже купил за 400 гривен половину ярославского войтовства (1479 г.) и (в 3 приема) село Забежов (1487-1491 гг.)¹⁹.

Спытко поздно женился (возможно, второй раз) на некоей Ядвиге, которой в 1486 г. сделал венную запись в 1000 злотых на селах Тучампы и Мунина (под Ярославом)²⁰. Отличительной чертой его характера было честолюбие, достигшее прямо-таки гипертрофированных размеров. Более 40 лет Спытко занимал различные земские уряды, успев побывать перемышльским подкоморием (1465-1472); белзским (1472-1474), русским (1474-1479), сандомирским (1479-1490), краковским (1491-1500) воеводой, а в 1501 г. становится краковским каштеляном — высшим дигнитарием Польского королевства. Вдобавок ко всему он более 20 лет (с 1478 г.) являлся генеральным старостой Руси²¹. В 1508 г. Спытко заплатил с Ярослава и почти двух десятков сел 97,85 гривен налогов²² — больше любого другого перемышльского и, можно говорить смело, червонорусского землевладельца.

Жизненный путь Рафаила в чем-то перекликается с судьбой Спытка. Он 17 лет (1462-1478) был старостой Руси, чтобы затем получить сандомирское староство и уступить свою первую должность брату. Сменив в 1472 г. Спытка на посту перемышльского подкомория, Рафаил не остановился на достиг-

¹⁸ Ibid. № 4412-4413, 5378. S. 330-331, 434; T. 19. № 1-7, S. 1-2; MA. № 161. S. 110-111; ZD. T. 18. Cz. 1 (B). S. 1.

¹⁹ AGZ. T. 13. № 4886, 5639-5640. S. 378, 457; T. 19. № 80-81, 199, 336, 400, 456. S. 13-14, 38-39, 64, 79, 88.

²⁰ Ibid. We Lwowie, 1876. T. 6. № 141. S. 213-214; T. 19. № 315. S. 61.

²¹ Ibid. T. 13. N 5638-5641. S. 457; T. 17. № 1694, 3769. S. 178, 458; T. 18. № XXXII, 532, 1951, 2442. S. 56, 79, 358; T. 19. № 199. S. 38-39. Ср.: Maleczynski K. Op. cit. S. 28, 83.

²² ZD. T. 18. Cz. 1. S. 106.

нутом: 5 лет спустя он был коронным маршалком, а в середине 80-х годов — еще и сандомирским каштеляном. В 1471 г. Рафаил «по праву близости» пытался выкупить у Долинских за те же 1100 гривен село Новосельцы и спустя 6 лет осуществил задуманное. В январе 1482 г. шляхтич Юхно Нагваздан едва не продал ему за 4000 злотых 10 сел в Стрыйском повете. Сделка не состоялась, видимо, из-за отсутствия денег у Рафаила. К лету 1487 г. пан маршалок даже задолжал 200 гривен и 1530 злотых шляхтичу Томашу — солтысу принадлежавшего ему села Гродзиско. Чтобы расплатиться с большей частью долга, сын Рафаила в 1494 г. уступил Томашу село Дамбов — единственную крупную куплю 80-х годов. Потребность Рафаила в деньгах была связана с тем, что ему предстояло дать 2000 злотых приданого старшей дочери Барбаре — жене краковского можновладца Якова Щекоцкого. Собрать столь большую сумму так и не удалось, и стороны достигли компромисса: Яков получил от тестя 1500 злотых, а остальные 500 обещал добавить после смерти маршалка его сын (1489 г.)²³.

Рафаил умер в 1492 или 1493 г. Его сын-тезка в 1499 г. заплатил сестре Анне (жене Станислава Пилецкого) 4000 злотых приданого, после чего та отказалась от всех прав на отцовские и материнские имения. Не позднее 1494 г. Рафаил (сын) женился на вдове Андрея Кмиты, держательнице Дубецкой волости Барбаре, с 1502 г. занимал высокий уряд перемышльского каштеляна и умер в 1506-1507 гг. В 1508 г. его вдова, «каштелянша» Барбара, с несовершеннолетним сыном Иеронимом заплатили с Переворесской и Лежайской волостей 86 гривен 8,5 грошей налогов, на 11 гривен меньше Спытка Ярославского, но много больше каждого из Пилецких. 20 гривен было собрано с Лежайска, остальное — с переворесских предместья и 10 сел, имевших 12-20 и даже 65 (Гродзиско) ланов земли²⁴.

Спытко и Барбара Ярославские внесли в королевскую казну 184 гривны — второй показатель после Пилецких, причем большая часть налогов поступила с Ярослава и Перевореска — волостей, пожалованных в 1387 г. Яну Тарновскому. Деятельность его потомков свелась к заселению и хозяйственному освоению пожалованных земель, настолько обширных, что их хватило в том числе и на обеспечение безбедной жизни десятка процветающих солтысов и бывших вассалов-манов (Голуховские, Лысаковские, Мжуровские и др.). В Малой Польше с размерами владений и доходами Пилецких и Ярославских мог сравниться разве что заплативший в 1508 г. 150 гривен налогов родственник последних Ян Ямур Тарновский. Другой их родич, Станислав Тарновский с Жохова, раскошелился «всего лишь» на 26 гривен²⁵. Нелишне напомнить, что представители крупнейших переворесских (и, вне всяких сомнений, перемышльских) родов были слабо вовлечены в общественную жизнь Перемышльской земли, так что их можно назвать перемышльскими шляхтичами только с известной долей условности.

SUMMARY

The article is devoted to the history of Peremyshl greatest nobles families Pilezky and Tarnovsky-Yaroslavsky in the 14-16th Century: their origin, background, kinship and their landowning.

²³ AGZ. T. 13. № 4747. S. 367; T. 18. № 1013, 1577. S. 152, 230; T. 19. № 28, 168, 287-288, 339, 365, 390, 405, 523, DCCXLII, DCCLXVI. S. 5, 31, 56, 65, 70-71, 76, 80, 101, 541, 552. Ср.: Maleczynski K. Op. cit. S. 29.

²⁴ Ibid. T. 18. № CCLXXIV. S. 512; T. 19. № 523, 535, 629, CLXXXIV, CCXV. S. 101, 104, 120, 139, 164; ZD. T. 18. Cz. 1. S. 106-107, 136.

²⁵ ZD. Warszawa, 1886. T. 15. S. 465, 468-469.